

JORMA KAIMIO. The Romans and the Greek Language. Societas Scientiarum Fennica. Helsinki, 1979, 379 p.

Трудно представить себе более или менее крупную работу по истории Рима или по истории римской литературы, где в том или ином виде не было бы упоминания о греческом языке, его распространенности и влиянии среди римлян, об отношении видных представителей римской культуры к греческому языку и литературе, греческой культуре вообще.

Эта интересная проблема частично рассматривалась в языковом аспекте в большом количестве работ, но, как правило, решалась в самых общих чертах и рано или поздно должна была подвергнуться всестороннему изучению в специальной работе.

Такой работой стала книга финского исследователя Йормы Каймио, оригинальная по замыслу и выполнению, и в то же время подытоживающая труды его предшественников в изучении судеб греческого языка на римской почве. Помимо введения и заключения книга И. Каймио состоит из четырех разделов, заглавия которых говорят о ши-

роком охвате темы: контакты между римлянами и греками, употребление греческого языка в официальной жизни, его употребление в частной жизни, его значение как языка культуры.

Вводной части автор книги указывает на свои источники. Это, во-первых, литературные сообщения, касающиеся употребления греческого языка среди римлян; во-вторых, самые памятники языка. Обращается внимание на бытование греческого языка в Риме и на процесс латинизации населения Римского государства. Как и следовало ожидать, автор отмечает количественную разницу между двумя главными группами своих источников: литературных свидетельств, пригодных для использования, имеется около 700, из них к теме исследования, строго говоря, относится не более 50 текстов. Автор книги дает детальную классификацию своих источников, принадлежащих как к первой, так и ко второй группе.

Затем следует раздел, посвященный контактам между римским и греческим народами (с. 20—41). Поскольку источники, которые анализирует автор книги, не проливают света на ранние контакты в самом городе Риме, Каймио предполагает, что, видимо, с ранних пор в Риме была небольшая греческая колония. Археологические данные позволяют с большой уверенностью утверждать, что уже в начале V в. до н. э. в Риме производилась торговля с греками и, значит, там были греческие торговцы, а также, вероятно, ремесленники. Следовательно, был в употреблении и греческий язык в качестве языка международной торговли. С течением времени приток греков в Рим увеличивался, причем, по мнению автора книги, среди греков, селившихся в Риме, можно различить три категории: 1) греки, обладавшие правами римского гражданства, — особенно после 212 г., когда эдиктом Каракаллы права римского гражданства были предоставлены всему свободному населению империи; 2) свободные, но не обладавшие этими правами греки — peregrini; 3) рабы, вольноотпущенники, потомки последних. Подавляющее большинство греческих обитателей Рима составляли люди рабского происхождения; начиная с III в. до н. э. их численность росла, и в I в. н. э. приток греков в Рим приостановился. Каймио не считает возможным определить количественное соотношение в Риме между свободным и рабским населением и предостерегает от доверчивого отношения к подсчетам (по этническому признаку), сделанным на основании эпиграфических текстов, поскольку даже греческие имена или прозвища в эпитафиях не дают надежной опоры. С большой уверенностью мы вправе устанавливать греческое происхождение людей высших социальных слоев, особенно сенаторов. В I в. н. э. сенаторов восточного происхождения было очень мало: при Веспасиане — 5, при Домициане — 8, т. е. 1,5%; затем число их растет, и при Каракалле достигает 157, т. е. 17%. Судя по данным наших литературных источников, в конце республики и при империи многие греческие рабы жили в столице в качестве воспитателей в обеспеченных семьях, а также в качестве доверенных лиц и управляющих (ср. роль рабов при дворе императоров династии Юлиев — Клавдиев).

Вне Рима контакты римлян с греками и греческим языком происходили и в Италии, и по всему Средиземноморью — как на западе, так и на востоке. Особенно интенсивными контакты были в Южной Италии и в Сицилии, но не ограничивались этими областями. Римлян, оседавших среди греческого населения на длительное время, автор книги подразделяет на следующие группы: 1) торговцы, ремесленники, землевладельцы; 2) воины и ветераны; 3) лица, принадлежавшие к римской администрации; 4) обитатели римских колоний на Востоке (начиная с 41 г. до н. э., особенно при Августе). К ним следует присоединить тех, кто временно поселялся в греческих областях, — учащиеся, туристы, изгнанники. Все они в той или иной степени погружались в стихию греческого языка.

От рассмотрения контактов между обоими народами автор книги переходит к вопросу о культурных контактах (с. 41—58). О непосредственном влиянии греческой культуры на римскую можно говорить начиная с довольно ранней поры, затем, после ослабления греко-римских связей в конце VI — начале V в. (борьба против этрусского главенства), они были вновь возобновлены в начале IV в. до н. э. и усилились в начале III в. до н. э., когда установились интенсивные военные и дипломатические контак-

ты Рима с эллинистическими монархиями. Именно в это время римская знать осознала контраст между политическим престижем Рима и его культурной отсталостью и необходимостью создания римской культуры, которая могла бы претендовать на равенство с греческой. Тит Квинкий Фламиний, который в начале II в. до н. э. (конечно, с согласия сената) провозгласил свободу Греции, был филоллином и свою любовь к греческой культуре проявил в захвате и отправке в Рим огромного количества памятников греческого искусства. В дальнейшем победоносные римские полководцы отправляли в Рим греческие книги и целые библиотеки. Даже Катон Цензор, противник греческой культуры, все же изучал греческий язык. Вопреки показаниям древних (Цицерон, Корнелий Непот, Квинтилиан, Плутарх), автор книги присоединяется к мнению тех ученых, которые думают, что Катон изучал греческий язык не в старости, а в более ранние годы (Helm, RE XII, 145—146). Даже военные действия против греков не мешали полководцам (Фламиний, Сципион Африканский, Эмилий Павел) оставаться поклонниками эллинской культуры. Так продолжалось и в I в. до н. э., как показывает пример Цицерона, горячего почитателя греческой культуры, но в то же время питавшего отвращение к современным ему грекам. Его переписка, в частности, свидетельствует о его настойчивом желании увидеть прославление его консульства в литературных произведениях на греческом языке.

После битвы при Акциуме наступил новый период во взаимоотношениях между римлянами и греками. Войдя в состав универсальной Римской империи, греческий мир без протестов принял культ римских императоров. О религиозном антагонизме между греками и римлянами вообще не могло быть речи. Греческое воспитание и образование не встречало сопротивления в Риме, и утверждение — наряду с греческим — римского образования не привело к ослаблению греческих элементов в системе образования. Бегло рассмотрев материал, касающийся отношения к грекам и греческому языку императоров от Августа до Адриана включительно, подчеркнув проэллинистические тенденции и отметив попутно недружественную по отношению к грекам позицию некоторых писателей (Тацит, Ювенал), автор книги констатирует продолжение проэллинистической линии (впрочем, при разных исходных точках) в период правления Антонина Пия и Марка Аврелия, а затем и при Северах. После смерти Юлии Домны картина становится более пестрой. Наряду с высокообразованными представителями верховной власти (Север Александр) мы видим и такие фигуры, как фракийец Максимин. Бесспорным филоллином был в середине III в. Галлиен, но в целом это время характеризуется двумя признаками: все усиливающимся влиянием людей восточного происхождения в римской администрации и резким понижением общего культурного уровня. Здесь автор книги делает любопытное замечание о том, что источники не отмечают специально проэллинистических тенденций императоров потому, что в III в. антагонизм между римлянами и греками угас и филоллинизм перестал быть бросающимся в глаза явлением. Влияние культурных контактов, отмечает Каймио в заключении раздела, не следует ограничивать узкой средой высшего общественного слоя Рима.

В разделе об употреблении греческого языка в официальной жизни (с. 59—167) автор книги опирается на соответствующий (в значительной степени — эпиграфический) материал в его четырех разновидностях: 1) законы, постановления, послания представителей центральной власти; 2) постановления и другие документы, исходящие от местной администрации; 3) почетные надписи, поставленные городами или должностными лицами; 4) надписи, связанные с содержанием общественных дорог (мильные столбы), восхваляющие людей, построивших или восстановивших дорогу. Изданный Моретти сборник греческих надписей города Рима¹ дал возможность автору книги сделать некоторые выводы относительно употребления греческого языка в столице. Его основной вывод сводится к тому, что, хотя Рим и был двуязычным городом, количество греческих надписей в нем, официальных и частных, составляет очень небольшую часть общего количества. Сюда относятся тексты договоров с греческими государствами (тексты эти выставлялись на Капитолии). В договоре с Астипалеей 105 г. до

¹ Inscriptiones graecae urbis Romae. I. Roma, 1968.

н. э. (остров в Эгейском море, между Аморгосом, Ферой и Косом) есть пункт, согласно которому должны быть вырезаны две копии договора — одна для Рима, другая — для Астипалеи². Ни эти, ни другие аналогичные копии в Риме не сохранились. Общие соображения склоняют Каймио к мысли, что официальные копии, делавшиеся в Риме, должны были быть латинскими, тогда как греческие государства, если они хотели поместить копию в Риме, могли сделать это на греческом языке.

Нет основания думать, что римские государственные постановления, даже казавшиеся греческого населения Рима, писались на греческом языке. Поставленные в Риме надписи в честь римских божеств (богиня Рома, Юпитер Капитолийский), исходившие от греческих городов, допускали употребление того и другого языка, но самый характер этих надписей, в сущности прославлявших Рим, заставлял отдавать предпочтение латинскому языку. Для восхваления лиц, принадлежавших к императорской фамилии, греческие города восточной части империи пользовались чаще греческим языком.

Среди выводов автора книги, которыми заканчивается глава о греческом языке в официальной жизни Рима, отметим один — значение греческого языка как языка культуры не отразилось на официальных надписях Рима. Дальше идет обзор материала, касающегося сначала западной части Средиземноморья, потом восточной. Уже априорные соображения заставляют думать, что в первом случае мы не встретимся с надписями, имеющими общественное значение и составленными на греческом языке. Исключения составляют надписи тех городов, официальным языком которых до их включения в Римское государство был греческий. Сюда относится в первую очередь Неаполь. Вопреки существующему в литературе мнению, что в Неаполе греческий язык, хотя и с некоторыми ограничениями, оставался официальным языком до времен Флавиев включительно, автор книги полагает, что латинский язык стал господствовать там только в III в. н. э.

Что же касается восточной части Римского государства, то здесь на основании многочисленных источников отмечается тенденция к опубликованию важных документов на обоих языках. Копии *Ves Cestae* императора Августа были найдены в трех азиатских городах: в Анкире, где была резиденция наместника Галатии, в Антиохии и Аполлонии — оба эти города были наиболее значительными в Писидии. *Monumentum Ansuranum* занимает стены храма богини Ромы и Августа и является двуязычным, причем латинский текст занимает более видное место; *monumentum Antiocheum* — на латинском языке, *monumentum Apolloniense* — на греческом. По мнению автора книги, выбор латинского языка в Антиохии был обусловлен тем, что в этом городе с преобладающим греческим населением все же была большая римская колония; в Аполлонии римлян было мало, поэтому там был предпочтен греческий язык.

И после Августа продолжается практика употребления греческого языка в документах, предназначенных для восточных частей государства. Император очень часто, хотя и не всегда, пишет римским должностным лицам на Востоке по-латыни, но, если адресат восточного происхождения, император может обратиться к нему по-гречески. касаясь почетных декретов, Каймио обращает внимание на множество латинских текстов на Делосе и объясняет это большой численностью римлян, живших на этом острове. Любопытно, что в почетных надписях, найденных в Афинах и в Эфесе, собственно хвалебный текст написан по-гречески, а *cursus honorum* по-латыни. Почетные надписи в честь императоров или членов их семей составлялись на Востоке преимущественно на греческом языке. Из латинских надписей этой категории половина исходит от римских колоний, причем они датируются главным образом временем Августа и Тиберия, во всяком случае до времени правления Траяна. Географические латинские надписи этой категории происходят преимущественно из городов Малой Азии; на втором месте — надписи островов и Сирии. Строительные надписи (с середины II в. н. э.) ставились преимущественно римскими должностными лицами, ответственными за работу, отсюда — их латинский язык. На греческом языке составлялись такие надписи в тех

² Roman Documents from the Greek East/Ed. by Sherk R. K. Baltimore, 1969, № 16.

случаях, когда ответственными лицами были греки. Интересуется автор книги и границей между областями преимущественного распространения греческого и латинского языков, проходившей где-то на севере Балканского п-ова. Пограничные линии, проведенные современными учеными, не слишком далеко отстоят одна от другой (с. 86—89).

Переходя к употреблению греческого языка в политической жизни, Каймио в первую очередь задается вопросом о роли греческого языка в переговорах между греками и римлянами. Отдельные рассуждения автора книги, его крайняя осторожность в интерпретациях и выводах в данном случае пагладно иллюстрируют особенности примененной Каймио методики исследования в целом.

Автор книги останавливается на свидетельстве Валерия Максима (2, 2, 2): *magistratus vero prisca quantopere suam populique Romani maiestatem retinentes se gesserint, hinc cognosci potest, quod inter cetera obtinendae gravitatis indicia illud quoque magna cum perseverantia custodiebant, ne Graecis unquam nisi Latine responsa darent.* «Насколько наши прежние должностные лица в своем поведении соблюдали величие свое и римского народа, можно узнать из того, что они, среди прочих признаков своего достоинства, с большим постоянством держались того правила, чтобы всегда давать ответы грекам только на латинском языке». Итак, автор I в. н. э. говорит о строгом соблюдении римскими должностными лицами правила — в официальном общении с греками употреблять только латинский язык. Казалось бы, у нас в руках недвусмысленное свидетельство. Однако при ближайшем рассмотрении авторитетность этого свидетельства оказывается очень незначительной. Каймио прежде всего обращает внимание на то, что употребленное в тексте слово *magistratus* (не *legati*) говорит не в пользу заключения о применении латинского языка римскими послами в переговорах с представителями греческих государств; речь идет только о том, что должностные лица в Риме употребляли в официальном общении с греками латинский язык. Слово *prisca* («прежние») также нуждается в реальной интерпретации. Из того же Валерия (2, 2, 5) мы узнаем, что Молон (в 81 г. до н. э.) был первым греком, говорившим в сенате (конечно, по-гречески) без переводчика. Отсюда видно, что Валерий имел в виду более раннее время, где-то в промежуток между I в. до н. э. и концом IV — началом III в. до н. э., когда установились греко-римские дипломатические отношения. Возникает вопрос: на каком основании сделан Валерием общий вывод об обыкновении римских должностных лиц обращаться к грекам на латыни? Из текста Валерия не видно, чтобы он опирался на большое число подтверждающих его мысль фактов. Он мог думать о Катоне Цензоре, однако он же говорит (8, 7, 6) о П. Лицинии Крассе, проконсуле Азии 131 г. до н. э., который употребил лишь греческих диалектов, а также (2, 2, 5) о переговорах в Таренте в 282 г. до н. э., где греческий язык играл значительную роль. В результате своих размышлений автор книги приходит к заключению, что свой обобщающий вывод Валерий нарисовал в угоду императору Тиберию. Согласно сообщению самого Валерия (2, 2, 3), в римском сенате в его время был в ходу и греческий язык и Тиберий стремился упразднить эту практику (Suet. Tib. 71). На фоне этих сведений Каймио считает вероятным, что категорическое утверждение Валерия не является надежным свидетельством.

Обозрение материала, относящегося к вопросу об употреблении греческого языка в сенате (с. 103—110), дает повод автору книги высказать следующее мнение: нельзя на основании имеющихся у нас данных считать греческий язык официальным в римском сенате, но если бы понятие официального языка было известно римлянам, то греческий язык был бы принят во внимание «в этой системе» (т. е. при установлении официального языка).

Большой материал приводится в разделе «Администрация в греко-язычных провинциях» (с. 110—129). Здесь мы сталкиваемся с определенной тенденцией римских властей употреблять латинский язык в официальных выступлениях перед греками (Метелл в Сиракузах); встречаемся при этом и с практикой применения переводчиков. Впрочем, строгих правил употребления того и другого языка в провинциальном управлении не существовало. Во всяком случае, в провинцию можно было посылать в качестве правителей людей, не знавших греческого языка.

Употребление греческого языка в административных делах подтверждается существованием во времена императора Клавдия двух центральных ведомств — *ab epistolis Graecis* и *ab epistulis Latinis*. Папирусы доставляют нам сведения о положении греческого и латинского языков в Египте. Автор книги присоединяется к мнению исследователей, считающих, что императорские рескрипты, адресованные частным лицам (даже римлянам), как и имевшие более общий характер и предназначенные для опубликования в Египте, писались на греческом языке, а рескрипты и распоряжения римским должностным лицам — на латинском языке. В административных актах в Египте преобладал греческий язык. Подробно Каймио останавливается на рассмотрении вопроса об отношении римских императоров к греческому языку (с. 130—143; выше та же тема затронута автором книги в более сжатом виде). О некоторых императорах мы знаем, что они получили греческое воспитание — ничего больше; некоторые императоры оставили сочинения на греческом языке; многие делали те или иные заявления по-гречески или цитировали греческих авторов; об отношении некоторых к греческому языку мы осведомлены в достаточной степени.

В судебной практике, согласно установившемуся в литературе мнению, употреблялся латинский язык. Однако свидетельские показания в восточной части государства и даже в самом Риме могли во времена империи даваться по-гречески. В восточных провинциях судебный процесс мог вестись на греческом языке, и лишь для приговора латинский язык был обязательным. Показания античных писателей (от Цицерона до Кассия Диона и дальше), которые могли бы свидетельствовать об обязательном употреблении латинского языка в судах, Каймио посредством своей интерпретации лишает принудительного значения. Один пример: Светоний (Тиб. 71) и Кассий Дион (LVII, 15, 2) рассказывают о случае, когда император Тиберий потребовал, чтобы воин, выступавший в качестве свидетеля на суде в сенате, говорил по-латыни. Из этого случая не следует никаких прочных выводов об обязательности латинского языка на суде. Во-первых, речь идет о суде в сенате; во-вторых, по словам Светония, власти, требуя от свидетеля показаний на латинском языке, сами обратились к нему по-гречески; в-третьих, Кассий Дион считает рассказанный им случай доказательством непоследи-тельности Тиберия, который сам несколько раз председательствовал и участвовал в суде, где дело велось на греческом языке.

Материалы из Египта убеждают нас в том, что в этой провинции судопроизводство велось исключительно на греческом языке независимо от того,¹ кто председательствовал на суде — римский магистрат или местное должностное лицо и был ли одной из тяжущихся сторон римский гражданин или нет. Для других частей Восточного Средиземноморья у нас мало материала, так что языковая ситуация в судебных инстанциях остается довольно неясной.

Пеструю картину представляет собой материал об употреблении языков в римской армии (с. 153—162). Все же есть основания думать, что официальные документы (дипломы, реестры и др.) писались на латинском языке. Любопытен раздел об употреблении греческого языка в частной жизни римлян (с. 168—194). Автор книги широко использует здесь эпиграфические тексты — надписи частного характера. Обзорение начинается с помпейских надписей, в значительной своей части — граффити, т. е. памятники более частного характера, чем эпитафии, которые преобладают в других местах. В I в. н. э. Помпеи уже давно не были греческим городом; самниты, правда, переняли греческую традицию, но мы с трудом представляем себе существование местных жителей, для которых греческий язык был бы родным. С другой стороны, нельзя недоучитывать влияние соседних греческих городов, особенно Неаполя. Помпеи автор книги рассматривает как типичный город романизированной Италии, где носителями греческого языка были в значительной степени люди рабского происхождения. Разумеется, круг людей, умевших писать по-гречески, выходил за пределы собственно греческого населения: греческому языку обучали детей в школах, как это явствует из начертанных на стенах греческих алфавитов. Сохранившаяся греческая надпись, сделанная на стене, могла бы говорить о греческом происхождении того, кто ее начертал, но употребление греческого языка в граффити могло быть и делом случая (прихоть,

упражнение). Цитаты из поэтов также ничего не говорят о родном языке автора граффити: в них отражается скорее школьное обучение греческому языку. Нельзя извлечь что-нибудь определенное и из других групп надписей (имена греческих божеств, проклятия, надписи общественного содержания).

Что касается эпитафий, то в Риме найдено 1200 на греческом языке, что составляет 3% всех римских эпитафий. Но для II—III вв. н. э. едва ли греческие христианские эпитафии уступают в количестве латинским. При объяснении этого факта автор книги делает экскурс в социальный анализ римского общества. В низших слоях свободного населения Рима греческий язык не считался языком высокой культуры, это был скорее язык самого низшего слоя населения и даже рабов. Ставить греческую надгробную надпись, следовательно, не было в дохристианское время признаком высокого социального положения. Во II—III вв. греческие эпитафии исходили от христиан и иудеев. Погребения приверженцев этих вероисповеданий находятся в основном в катакомбах, а язычники, говорившие преимущественно на латинском языке, устраивали могилы вдоль дорог, и их латинские эпитафии выставлялись, таким образом, для всеобщего обозрения. Греческие эпитафии, однако, писались и людьми, для которых родным языком был латинский. Автор книги лишь отчасти принимает мнение, согласно которому употребление греческого языка в эпитафиях представляло собой показное демонстрирование знания греческого языка. Неприемлемым представляется для Каймио и объяснение, будто по-гречески писались эпитафии лицам высокого социального ранга, что невозможно доказать на основании текста эпитафий.

Автор книги выделяет двуязычные надписи, имеющиеся в небольшом числе и вырезанные на могилах знатных лиц восточного происхождения с целью подчеркнуть значительность умерших; таковы эпитафии Гая Юлия Артабазда, внука царя Ариобарзана (IGUR 602), и эпитафия Аввии Региллы, жены Герода Аттика (IGUR 340). Просмотрев гораздо более скудный материал из других городов, Каймио приходит к скромному выводу: употребление в частных надписях латинского языка может в какой-то мере служить основанием для заключения о том, что поставивший надпись был носителем латинского языка; греческая же надпись в гораздо меньшей степени позволяет сделать аналогичное заключение — здесь на выбор языка могло воздействовать тщеславное желание продемонстрировать свою образованность.

Глава завершается небольшим разделом — «Греческий язык в повседневном употреблении у римлян» (с. 189—194). Обычному умолчанию римских авторов о том, на каком языке велся передаваемый ими разговор, по мнению Каймио, можно дать два разных объяснения: 1) либо употребление греческого языка было редким и не стоило упоминания; 2) либо оно было настолько обычным, что не было смысла специально об этом упоминать. Яснее обстоит дело с употреблением языков в письмах. Собрание писем Цицерона и Плиния Младшего показывает, что они вели переписку с близкими людьми на латинском языке, хотя и не исключена возможность, что часть писем писалась по-гречески и либо была переведена на латинский язык (здесь, на наш взгляд, у Каймио большая натяжка), либо не была включена в сборники. Письма Фронтоня обращены главным образом к грекам (исключений очень немного). Автор книги допускает, что образованные римляне в беседе между собой могли пользоваться и греческим языком или вставлять в свою латинскую речь греческие выражения (ср. *Juv.* 6, 193—196; *Mart.* X, 68). Автор замечает, что если бы его спросили, пользовались ли римляне греческим языком в своей повседневной речи, он без колебания ответил бы отрицательно, но в то же время сознался бы, что в поддержку этого мнения можно привести лишь очень немного доказательств.

В большой главе (с. 195—315) разбирается роль греческого языка в Риме как языка культуры. Речь идет сначала о роли греческого языка в системе римского образования; затем о римских авторах, писавших по-гречески; далее — о переводах с греческого языка на латинский; наконец, о греческих словах и цитатах у латинских авторов. Содержание этой главы в большей степени, чем содержание других глав, подготовлено работами ученых предыдущих поколений и современными. Едва ли есть надобность детально пересказывать рассуждения автора, хотя они не могут не представлять боль-

шой интерес в глазах читателей-специалистов. Ограничимся указанием отдельных любопытных мест, перечень которых мог бы, впрочем, быть значительно увеличен.

Сознательное внедрение греческого образования в Риме началось, как предполагает автор книги, в первой половине III в. до н. э. — вследствие установления культурных и физических контактов с греками (с. 195). Традиция, игравшая большую роль в римской жизни, сначала не благоприветствовала усвоению греческой культуры (Plut., Cato Maior, 22), а потом (спустя 63 года) тот же аргумент традиционности выдвигался в сущности в пользу греческого воспитания (Aul. Gell. XV, 11 — обучение, исходившее от латинских реторов, квалифицировалось как идущее вразрез с обычаем предков). Греческое происхождение самой воспитательной системы и воспитателей, конечно, объясняют водворением греческого языка в Риме, но только отчасти; ведь не следует забывать, что Ливий Андроник, грек по происхождению, писал на латинском языке. Практические основания для пользования греческим языком автор книги усматривает в том, что в видных римских семьях установилось обыкновение пользоваться услугами людей греческого происхождения и культуры — от кормилиц и до профессоров красноречия. Определенное значение имело и то, что на латинском языке не существовало педагогического материала для обучения юношества (однако не принимает ли здесь Каймио следствие за причину?). Кроме того (и, разумеется, в этом заключается очень важное обстоятельство), вес греческого языка обуславливался его значением международного и административного языка Средиземноморья.

Историкам и филологам будет полезна таблица ранних римских писателей середины III — середины II в. до н. э., в которой указаны имена авторов, даты литературной деятельности, место рождения, родной язык, социальное положение, литературный жанр, язык произведений. Дальше — обзорные литературные жанры с интересующей автора точки зрения, охватывающее драму, поэзию, историю, философию, другие виды литературы, энциклопедии и естественные науки, филологию, ретиорику, юридические науки.

В качестве образца трактовки автором книги частной темы можно взять раздел об истории (с. 224—239). Ранняя римская прозаическая литература представлена историческими сочинениями (вскоре затем возникает и юридическая литература). Ранние римские историки — Кв. Фабий Пиктор, Л. Цинций Алиммент, П. Корнелий Сципион-М. Порций Катон, Г. Ацилий. Из них только Катон писал на латинском языке. Лишь во второй половине II в. до н. э. за ним последовало большое число историков, писавших на родном языке. Привлекает к себе внимание первый по времени историк Фабий Пиктор. Благодаря свидетельству Дионисия Галикарнасского (I, 6) мы знаем, что Фабий Пиктор писал после 217 г. до н. э., подробно изложил в «Анналах» историю основания Рима, а также первой Пунической войны; историю промежуточного периода он излагал очень суммарно. Он был тесно связан с эллинистической историографической традицией, но в то же время был основателем римской историографии, соединяя в одном труде мифологический период с современностью. Почему, спрашивает автор, первый римский историк писал по-гречески? Обычно на этот вопрос дается ответ: Фабий писал для греческих читателей. При этом труд Фабия сопоставляют с хрониками Манефона (Египет), Бероса (Вавилон), Менандра (Финикия), также написанными на греческом языке и приблизительно в одно и то же время. Такое решение вопроса Каймио считает необудительным. Анализ сохранившихся фрагментов не обнаруживает признаков предполагаемого обращения к греческой читающей публике. Затем, судя по Дионисию, наиболее интересный для греков отрезок римской истории — война с Пирром — был затронут Фабием очень поверхностно. Сравнение с Манефоном и Беросом не обосновано уже потому, что оба эти историка жили в среде, говорившей по-гречески. Другое существующее объяснение выбора греческого языка Фабием сводится к тому, что латинский язык в его время не был достаточно развит для изложения на нем исторических событий. Этот довод Каймио считает более серьезным, хотя его доказательность ослабляется тем, что во времена Фабия латинский язык уже употреблялся для полулитературных целей (законы, речи и т. п.). В книге Каймио вопрос ста-

витея иначе: почему Фабий не отдал предпочтения латинскому языку? Фабий принадлежал к семье, почитавшей греческую культуру. Все известные ему исторические сочинения были написаны на греческом языке. Его цель состояла в том, чтобы показать, что Рим в конечном счете основан греками. Всего этого достаточно для объяснения выбора Фабием греческого языка. По поводу имеющихся у нас известий, что помимо греческого текста «Анналов» Фабия был еще и латинский текст, автор книги присоединяется к общему мнению, что здесь возможны два объяснения. Либо существовал другой анналист Фабий Пиктор, писавший по-латыни, либо еще во II в. до н. э. был сделан перевод «Анналов» первого историка. В том и другом случае мы стоим перед фактом существования в Риме двух разных читательских кругов. На примере трактовки автором книги литературной деятельности Фабия Пиктора мы лишним раз убеждаемся в той тщательности, с какой Каймио взвешивает доступные нам данные, прежде чем вынести собственное заключение.

Автор книги не мог не остановиться на роли Катона Старшего в деле создания римской историографии на латинском языке. Что сделало Катона первым латинским историком? Разумеется, сыграло свою роль недостаточное знание Катонам греческого языка, однако следует принимать во внимание и другие обстоятельства. Катон был писателем, который кроме своего исторического труда (*Origines*) написал по-латыни и ряд других произведений, в то время как современники Катона продолжали писать исторические труды по-гречески. Катона мы должны считать подлинным основателем историографии на латинском языке, так как он смело порвал с греческой традицией в римской историографии. Каймио имеет в виду при этом не только антигреческую позицию Катона, но и весь склад его мышления, нашедший отражение в его историческом труде, который в меньшей степени, чем любой другой римский исторический труд, зависел от эллинистических образцов (с. 230; этот тезис в книге не развит, автор ограничивается здесь ссылкой на некоторые чужие работы). В том же разделе автор книги отмечает, что Цицерон желал, чтобы его консульство было прославлено на греческом языке. Здесь же — напоминание о том, что Юлий Цезарь писал на латинском языке. Греческий язык, по мнению Каймио, занимал в автобиографии и в литературе политических записок заметное место, но не был всецело преобладающим. Такое положение греческого языка было вызвано двумя причинами: во-первых, тем, что эта литература предназначалась для высшего слоя римского общества; во-вторых, тем, что многие из писателей были восточного происхождения. Немаловажно и то, что римские полководцы и политические деятели собирали вокруг себя греческих философов, писателей и поэтов.

Отмечены более поздние примеры создания исторических трудов на римской почве на греческом языке. Император Клавдий написал историю этрусков и карфагенян по-гречески (но римскую историю на латинском языке). Царь Юба II Мавретанский (близкий к Августу) создал обширный исторический труд (со включением римской истории) также по-гречески. Пальмирская царица Зенобия читала римскую историю только по-гречески (SHA, Trig. tyr. 30, 22).

Настоящая рецензия претендует лишь на то, чтобы дать самое общее представление о книге Каймио и на отдельных примерах показать особенности исследовательской манеры автора книги. Свою задачу мы видели в том, чтобы обратить внимание заинтересованных лиц на добросовестный труд финского ученого. Общее впечатление, какое выносит читатель после знакомства с книгой Каймио, самое благоприятное. Историк и филолог будут признательны автору за создание книги, в которой богатство рассмотренного материала сочетается с основательным освещением работы предшествующих исследований, самым пристальным разбором имеющихся фактов и свидетельств (прямых и косвенных) и осторожностью выводов. В сущности вся книга — диалог с читателем, в котором автор ненавязчиво предлагает вниманию читателя собственные и чужие (со своими критическими замечаниями) мнения, которые всегда обоснованы и с которыми нельзя не считаться.

А. И. Доватур